

УДК [821.161.1+821.161.2]—312.9.09

Тамара Морєва

## ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ В. Ф. ОДОЕВСКОГО И О. СТОРОЖЕНКО (МИФОМЫШЛЕНИЕ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ)

*В статье рассматриваются авторские миры писателей-романтиков (В. Ф. Одоевского и О. Сторозженко) с точки зрения их мифопоэтического прочтения. Делается вывод о том, что сюжеты повестей Сторозженко восходят к народным сказкам и преданиям, сюжеты Одоевского — к символично-образному воспроизведению философски осмысленного мира. Герои Сторозженко ярко передают национальный характер. Образы Одоевского — олицетворение идеальных представлений об интуитивно-познаваемой жизни русского общества.*

**Ключевые слова:** романтизм, фантастика, двоемирие, мифопоэтическое мышление.

*У статті розглядаються авторські світи письменників-романтиків (В. Ф. Одоєвського та О. Сторозженка) з точки зору їх міфопоетичного прочитання. Робиться висновок про те, що сюжети повістей Сторозженка походять від народних казок і переказів, сюжети Одоєвського — від символічно-образного відтворення філософськи осмисленого світу. Герої Сторозженка яскраво передають національний характер. Образи Одоєвського — це втілення ідеальних уявлень про інтуїтивно-пізнавання життя російського суспільства.*

**Ключові слова:** романтизм, фантастика, двоєсвіття, міфопоетичне мислення.

*The author of the article contemplates the authorial worlds created by Romantics (V. F. Odoevsky and O. Storozhenko) in the aspect of their mythopoetical interpretation. The thoroughgoing comparison suggests a conclusion that the plots of the stories by Storozhenko originate in folktales and legendry meanwhile the plots by Odoevsky take their origin in a symbolic and figurative reproduction of the world philosophically interpreted. The personages by Storozhenko convey vividly the national character. The images by Odoevsky are an embodiment of ideal representations of the intuitively cognoscible life of the Russian society.*

**Key words:** Romanticism, fantasy, two-worldness, mythopoetical thinking.

**Постановка проблеми.** Появление фантастики в литературе 30–40-х годов XIX века было закономерным следствием формирования и утверждения нового романтического типа мирозерцания, противоположного рационально-логическому типу восприятия человека XVIII — начала XIX века.

В литературе и эстетике романтизма наметился особый подход к фантастическому. В произведения романтизма оно входит как элемент содержательный, мировоззренческий, за которым стоит идея двоемирия, и одновременно как форма эстетического освоения та-

инстинктивных иррациональных стихий действительности и внутреннего мира человека.

Процесс переосмысления фантастики в литературе был общим для романтизма и западноевропейского, и русского. Это типологическое явление в разных национальных культурах имело исходным моментом общность нового взгляда романтиков на мир и человека. В. М. Жирмунский и Н. А. Сигал, анализируя этапы развития форм фантастического в западноевропейской литературе, историческую смену его различных степеней, пришли к выводу, что в конце XVIII — начале XIX века «фантастика перестает быть иносказательным приемом, затейливой виньеткой к развлекательной истории... а становится элементом мировоззрения, мышления действительности» [3, с. 267].

Основой такой фантастики является идея двоемирия, которая получит дальнейшее развитие у романтиков. В романтической фантастике складывается законченный в своей двойственности мир, воспринимающий интуитивное представление о двоемирии бытия, господство в нем «глухих», «страшных», «ночных сил».

Не находя в современной жизни того положительного содержания, к которому устремлялись их герои, романтики искали это содержание вне реальной действительности. Окружающему миру они противопоставляли мир, созданный воображением художника в соответствии с его идеалом, мир, в котором осуществляется его стремление к справедливости и прекрасному.

Поиски иного мира, отличного от реально существующего, послужили основанием для использования в романтическом искусстве фантастики. Мир фантастических образов соответствовал художественному воплощению того, что, являясь противопоставленным реально существующему миру, было неясным, загадочным.

Поиски иного мира означали, по сути, поиски такого рода обстоятельств, которые соответствовали бы романтическому идеалу, в отличие от чуждых ему обстоятельств повседневного бытия. В этом заключается суть двоемирия в образной структуре романтических произведений: отчуждаясь от мира своего реального бытия, самоценная романтическая личность устремляется в иной мир — мир желаемого бытия, созвучный ее внутреннему миру.

Писателей-романтиков привлекал не сам по себе мир потусторонний, ирреальный, но прежде всего двойственность и таинственность самого бытия и внутреннего мира человека. В новой литературе воз-

ника установка на сочетание фантастики и реальности. Об этом писали и В. Ф. Одоевский и О. Стороженко.

**Цель данного исследования** — рассмотреть авторские миры писателей-романтиков (В. Ф. Одоевского и О. Стороженко) с точки зрения их мифопоэтического прочтения.

Литературная деятельность Олексы (Алексея Петровича) Стороженко приходится на 50–60-е годы XIX века. Писатель не занял заметного места в украинской литературе. О. Стороженко даже не считал себя писателем-профессионалом, так как полностью отдавался военной службе.

С большой любовью, в романтически-приподнятом стиле, часто используя богатый, жизнеутверждающий украинский юмор, писатель изображает простых людей. Талантливый рассказчик, мастер художественного слова, О. Стороженко внес свой неповторимый вклад в развитие украинской литературы XIX столетия. Его умение сжато, образно, с национальным колоритом рисовать бытовые сцены, обычаи и верования украинского народа, изображать национальные характеры — это то ценное и самобытное, что есть в произведениях О. Стороженко. С большой задушевностью и чуткостью он рисует картины прекрасной украинской природы. Произведения О. Стороженко проникнуты народной фантастикой, добрым юмором и лиризмом. Все это в известной мере сближает его творчество с «Вечерами на хуторе близ Диканьки» Н. Гоголя.

Пафос творчества О. Стороженко, подчеркивает В. Б. Мусий, «... имел прежде всего этический характер и заключался в требовании моральной чистоты, основой которой ему представлялись патриархальность, любовь к своему народу и человечность» [5, с.147]. Личность писателя сформировалась в первой половине XIX века, а на характер его идеала повлиял прежде всего ранний романтизм, который утверждал сформулированное просветительским реализмом требование особого внимания к жизни простого человека. Изучая ранний романтизм, Д. С. Наливайко пишет: «Фундаментальною його рисою є універсалізм, прагнення охопити буття в його повноті, в тому, що існує і що має існувати, дати йому синтезуюче художнє вираження. Тому цю течію можна назвати й універсальним романтизмом, що, до речі, зустрічається в науковій літературі. Для нього характерний тісний зв'язок із філософією, тяжіння до символу й міфу як найбільш адекватних форм художнього вислову. Романтикам цієї течії ще чу-

ждий розлад з дійсністю, різке протиставлення дійсності і ідеалу, розчарування й негативізм...» [6, с. 17].

Все вышесказанное, за исключение тесной связи с философией, мы можем в полной мере отнести к творчеству О. Стороженко.

По общей направленности, по вкладу в развитие литературы и характеру своего творчества В. Одоевский заметно отличается от О. Стороженко. Правда, его имя также не относится к числу особо популярных в русской литературе. И это объясняется скорее резким своеобразием творческой личности автора «Русских ночей», нежели недостатком дарования. Историко-литературное значение творчества В. Одоевского, быть может, не до конца осознано, но оно несомненно. В. Одоевский был открывателем новых путей в литературе и создателем новых жанров. Ему принадлежит заслуга в разработке жанра биографического рассказа и музыкально-критического эссе, он был автором философских новелл.

В. Одоевский постоянно стремился к универсальному знанию, — говоря его словами, к цельному знанию. Но главным его делом была литература. Он был писателем по призванию. Расцвет творчества В. Одоевского приходится на 1830–1840-е годы. В это время он пишет свои лучшие произведения. Рассмотрим его фантастические, «таинственные» произведения.

В. Одоевский во второй половине 1830-х годов старательно изучал всякого рода оккультные науки, магию, каббалистику, магнетизм. Его интересовали непознанные явления природы и человеческой психологии. О. Стороженко также занимали таинственные загадки жизни. Но они подходили к ним по-разному. В. Одоевскому принадлежит термин «двоемирие». Писатель не принимал пошлость современной ему действительности, отсюда возникало противопоставление ей мира потустороннего. Ап. Григорьев проницательно разгадал состояние души В. Одоевского: «У... него отрицательный пафос, пафос негодования, пополам с горькою ирониею Гамлета, с улыбкою скорби скептика, с неопределенными стремлениями мистика... Вражда не осилила здесь действительности, не обладает ею мужески, а только плачет над нею, только обещает что-то лучшее в туманной безграничной дали» [1, с. 195].

Мир представляется В. Одоевскому заключенным в реторту, которую поджаривает черт (сказка «Реторта»). Повествователь спасается из реторты, а потом в его беседе с чертом объясняется смысл сказки.

Прежде всего, это не чёрт, а чертёнок: «старые черти не удостоивают внимания наш XIX век» [8, с. 9], но бесплодна и работа чертенка: «день-деньской все варишь, варишь, а много-много, что выскочит из реторты наш же брат чертенок, не вытерпевший вашей скуки» [8, с. 9].

Стороженко видит мир иным. В духе раннего романтизма мир представляется ему единым, где тесно переплетены, постоянно сливаются реальность и сверхъестественное. Черти запросто приходят к людям, и те ничуть этому не удивляются. «...Доживав віку старий запорожець... він... чортів не цуравсь: Інколи й біси до його навертались, то він було розпитує їх і бавиться з ними» («Чортова корчма») [10, с.145]. А люди ходят на веселые праздники чертей. «Випив запорожець і другу. Якось йому повеселішало, неначе помолодшав... випив, трошки оддыхав і знов пішов із чортом козачка» [10, с.147].

О. Стороженко изображает Украину пленительно прекрасной сказочной страной, где всегда ярко светит солнце, где люди живут, не зная ни горя, ни несчастья, ни труда. Мир, окружающий этих людей, населен чертями, ведьмами, оборотнями. Они приходят к людям, общаются с ними, приглашают на свои веселые праздники. Это единение мира реального и потустороннего органично в произведениях О. Стороженко. Такое восприятие отвечает духу народной мифологии.

Герой повести «Закоханий чорт» становится свидетелем свидания черта с ведьмой, которая согласилась выйти замуж за черта с условием, что тот исполнит ее желание. Ведьма пожелала спасения. Запорожец влюбляется в нее и делает все, чтобы спасти ее душу, избавить от нечистой силы. Кирила честен, прям, справедлив, великодушен. Ему совершенно неизвестны симптомы мучительного разлада с окружающей действительностью. Он — личность непосредственная и цельная. Вместе с тем он считает позволительной хитрость в отношениях с простодушным чертом Трутиком.

Черт становится верным помощником запорожца. В образе Трутика совмещаются реальные человеческие черты с фантастическими. Он влюбляется в девушку-ведьму, держит свое слово, верно служит запорожцу. Когда Кирила, удивившись поведению черта, спрашивает его: «Розкажи мені, чорте... яким се побитом ти закохався у відьму?» — Трутик печально отвечает ему: «Е, братіку... і у нас серце, таке ж, як і в вас, і з тим же проклятим коханням!» [10, с.88]. Черт показан с лукавой насмешливостью, благодаря чему фантастика часто переключается в бытовой, юмористический план. В фантастике О. Сто-

роженко нет ничего мистически-таинственного. Она тесно связана с фольклорными истоками, с народной поэзией, мифом. Романтический идеал О. Стороженко опирается на народные представления, на идеалы братства и товарищества, выработанные народом в течение его многовековой истории, на особенности уклада народной жизни как коллективной. Романтическая субъективность в творчестве О. Стороженко не предполагает индивидуалистических настроений.

Все события повести «Закоханий чорт» приближены к земным, реальным. Перед нашими глазами разворачиваются чудесные картины украинской природы, населенной лесовиками, чертями, ведьмами. Пейзаж играет важную роль в произведениях Олексы Стороженко: он выражает эмоциональный подтекст произведения, авторское начало. В его обрисовке воплощается мысль о единстве человека и мира. Вот каким пейзажем начинается повесть «Закоханий чорт»: «Мій боже милий! що за ліс! Якого нема тут дерева: і високих, величезних, і старих, скорчених, похнюпих, що вже віку свого доживають. Інше, сламане хуртиною і опалене блискавкою, стоїть собі край дороги, як чернець, там трухлявий пень схилився, як той старець з торбою. Куди не глянь — усе тебе чарує, привітає, усе тобі всміхається» [10, с.76]. В этом описании природы подчеркнута ее «духовность», соотношение с судьбой и участью человека; проза приобретает ритмическое звучание. В романтическом пейзаже подробности соотносены не с реальным изображением природы, а с ее субъективным ощущением, с ее ролью в выявлении эмоционального подтекста произведения. Пейзаж служит своего рода декорацией, которая подчеркивает эмоциональную напряженность действия

По мнению В. Б. Мусий, мотив очищения души приобретает в повести «Закоханий черт» фантастический характер. «В этом произведении О. Стороженко соединены мифологические мотивы (инициация), фольклорные (одурачивание черта) и литературные (влюбленный дьявол) элементы» [5, с.148].

Счастлирое решение проблемы возможно в повести именно благодаря наличию фольклорного начала. Влюбленный в Одарку черт Трутик, надеясь пожить с ведьмой десять лет, просит ее не торопиться с очищением души. Но казак Кирила догадывается о его хитрости и проявляет смекалку: «Е, ні, чорте, — перебив дід (историю повествователю розповідає) повстречавшийся ему в пути столетний старик — внук запорожского казака Кирилы), — за десять літ багато

води утече; поки сонце зійде, роса очі виїсть. За десять літ або відьма дуба дасть, або пустельника господь до себе прийме. Ні, так не можна! Починаючи таке добре діло, треба зараз іти до пустельника за благословенієм» [10, с.87]. Черт, як помічник казака, допомагає знайти пустынника, служить Кириле п'ять лет конем, охороняє його от всіх врагов.

О. Стороженко интересує національна картина світа, українська нація, отсюди і істоти його інтереса к українській міфології. Все пространство ділиться на окремі маленькі локуси: поле, ліс, степ, мельниця, сюди же відноситься і «потусторонній» світ, і перейти з одного в другий можливо. Герої легко перешагивають невидиму грань між «здесь» і «там».

У В. Ф. Одоєвського ми спостерігаємо іншу картину. Він намагається пізнати нечто приховане від людини. Є світ явлень і світ істот, неподвластных людському пізнанню, а письменник містическим образом намагається в них проникнути, то є він пізнає непізнаване.

Герой повісті В. Одоєвського «Косморам» Володимир ще в ранньому дитинстві чудесним образом приблизився к тайнам потустороннього світа. В іграшці, котру йому подарив доктор Бін, він бачить картини майбутнього, знає про те, що знаходиться за межами людського знання. В більш зрілому віці цей круг надприродного знання значно розширюється.

Герой отримує здатність в деякі-то доли секунди «прозрівати» всю людську життя з усіма її тайнами. Дверь в другий світ відкривається для Володимира несподівано, проти його волі. І тільки потім, перебуваючи в постійному страху, щоб найменше рухання його душі не обернулось в злочин, ухиляючись від людей, він аналізує свій дар і довіряє паперу пройшовшої життя.

Епіграфом к «Косморам» не випадково поставлені слова: «Quidquid est in externo est etiam in interno» («Що зовні, то і всередині») [7, с.195]. Тут сні передбачають дійсні події, то, що герой бачить і відчуває в іншому світі, обов'язково чимось нагадує про себе в реальному житті.

Двійник доктора Бина, що живе в надчутливому світі, попередив героя, що він відповідає за кожне його діяння, за кожну думку, за кожне почуття нарівні з ним. І коли розум починає диктувати Володимирові плани злочинів, коли в його голові вини-

кают слова: «Труп врага всегда хорошо пахнет!» [7, с.195], приходит время для наказания. Владимир вовлекается в огромное сонмище преступлений, ибо каждая его «нечистая» мысль рождает преступное действие, в которое вовлекаются и окружающие его люди. Герой становится орудием казни, причем зло, которое он несет, от него не зависит. Он боится мыслить, чувствовать, любить, ненавидеть.

В «Космораме» Одоевского для передачи психологической раздвоенности героев вводятся персонажи-двойники. М. Турьян отмечает, что «...способность человека пребывать в двух ипостасях — мистической и рациональной — Одоевский разрабатывает на двух уровнях, и здесь их мистическое раздвоение так же ярко и необъяснимо: столь разны мыслят и действуют герои повести в мире реальном и ирреальном, столь сложны и непостижимы оказываются глубины души человека, проявляющиеся в состоянии бессознательном, «сомнамбулическом», что доктор Бин, предстающий Владимиру в космораме в совершенно ином качестве, нежели в реальной жизни, предупреждает его: «У вас должен казаться сумасшедшим тот, кто в вашем мире говорит языком нашего» [12, с.331].

В. Одоевский исходит из идеи двоемирия и убежден в принципиальной познаваемости как мира идей, так и мира явлений. Оба мира познаваемы, поскольку «Сущность, Абсолют познаются на путях интеллектуальной интуиции», а мир реальный, мир явлений, поскольку он тождествен миру идеального. Идеальное и реальное — «две равноправные стороны Абсолюта, специфически, но равно-адекватно выражающие Абсолют», — писал З. А. Каменский, характеризуя гносеологические идеи В. Одоевского [4, с.21].

Герой «Косморамы» не только убеждается в том, что ему открылся другой мир, но он постигает, что всё случающееся в ином мире тесно переплетено с событиями, происходящими в реальном мире, где обитает сам Владимир и все близкие ему люди. Все истинное сущее находится в ином мире, а в реальном, бытийном мире встречаются лишь подобия образов, создаваемых в другом мире.

Все фантастические произведения О. Стороженко основаны на использовании национального украинского фольклора, преданий, старинных поверий. Отношение В. Одоевского к фольклору значительно сложнее. Явно прослеживается фольклорная основа в повести «Необойденный дом» (переделка народного предания о человеке, засыпающем на многие годы и потом просыпающемся) и в сказке

«Игоша». Игоша — мифологический персонаж одной из народных быличек, «уродец, без рук, без ног, родился и умер некрещеным; он... проживает то тут, то там и проказит, как кикиморы и домовые, особенно если кто не хочет признать его, невидимку, за домовика, не кладет ему за столом ложки и ломтя, не выкинет ему из окна шапки или рукавиц и проч.». Так описывает Игошу В. Даль [2, с.54].

В рассказе В. Одоевского быличка проявляется на трех уровнях сознания: народном (извозчики, считающие, что Игоша существует в действительности), на уровне человека образованного (барин, который принимает рассказ об Игоше как сказку) и на детском (маленький сын барина, к которому приходит Игоша) [11, с.134]. Народное и детское сознание похоже своей верой в существование Игоши. «Ребенок редко ошибается. Его ум и сердце еще не испорчены» — писал В. Одоевский в «Психологических заметках» [9, с.210].

Игоша постоянно проказит: «...не отъехали версты — шлея соскочила, потом построжки оборвались, а наконец, ось пополам...» [8, с.49], он ломает игрушки, бьет посуду, требует у мальчика то варежки, то ботинки. Шутки его довольно злые: «...то ущипнет... то оттолкнет...» [8, с.53]. Оставаясь невидимым для взрослых, он является мальчику: «...вошел, припрыгивая, маленький человечек в крестьянской рубашке, подстриженный в кружок, глаза у него горели как угольки и голова на шейке у него беспрестанно вертелась; с самого первого взгляда, я заметил в нем что-то странное, посмотрел на него пристальнее и увидел, что у бедняжки не было ни рук, ни ног, а прыгал он всем туловищем» [8, с.50].

Герою повести О. Стороженко «Мірошник» также является нечто, но оно даже не имеет названия. Автор все время говорит: «Оно». Вот каким его видит мельник: «...аж на сволоці над ступами щось сидить: не звір і не птиця, неначе купа, чорна, як сажа, і голова у його, і очі, сидить і пильно дивиться на мене...» [10, с.219]. Это «нечто» три раза является мельнику, пророчит беды, а потом исчезает. Беды значительно серьезнее, чем те, которые приносит Игоша. То, что приходит к мельнику, не просит ничего. Оно предрекает несчастья и пропадает. Умер любимый «батьків син» Иван, погибла жена мельника, а после третьего явления умирает и сам мельник.

Несомненно, что и Игоша, и существо, являвшееся мельнику, принадлежат другому миру. «Правду у нас говорится, что люди самое неблагоприятное творение!» [8, с.55] — говорит Игоша мальчику. «У нас» —

значит, не у людей, а у нечистой силы. Но если О. Стороженко на этом останавливается, то В. Одоевский идет дальше. Последний абзац рассказа существенно меняет угол зрения на всё предшествующее повествование. Оно предстает теперь как воспоминание взрослого человека, но не просто об одном из эпизодов детства, а «...о том полусонном состоянии... младенческой души, где игра воображения так чудно сливалась с действительностью» [8, с. 56]. Следовательно, все рассказанное об Игоше и само его существование ставятся под сомнение.

В. Одоевский — художник интеллектуального дарования, хорошо знакомый с разными философскими системами, часто сознательно опирающийся на то или иное положение различных мыслителей от Платона до Шеллинга. Его интересуют общие вопросы бытия, назначение человека, законы общества и пути его развития. О. Стороженко далек от всего этого. В основе его творчества — чувство. К философским вопросам, занимавшим умы его современников, он, как правило, оставался равнодушным.

В. Одоевского в первую очередь интересует истина, О. Стороженко — красота. Красота окружающей природы, людей, человеческих отношений, чувств. Задачу искусства В. Одоевский видит в том, чтобы по мере возможности способствовать изменению жизни. Это определяет дидактический характер многих его произведений. Основной пафос его творчества — социально-этический. О. Стороженко изменение жизни интересовало мало. Ему чужд дидактизм. Его идеалы находятся не в этической, а в эстетической сфере. И В. Одоевский, и О. Стороженко — романтики. Но они представляют разные формы романтизма. О. Стороженко более близок к раннему романтизму. Он утверждает единство с миром и обращается к фантастике мифологической, в которой передано тождество мира в его простой, нерасчлененной форме. Его герои — люди из народа, характеризующиеся непосредственностью и цельностью. Герой В. Одоевского — личность рефлектирующая, разочарованная, находится в разладе с действительностью. Отсюда возникает идея двоемирия. Фантастика у В. Одоевского проникнута идеей двоемирия. Вместе с тем эти различия не исключают типологического сходства между обоими писателями. Их сближает высокое представление об искусстве и художнике, свойственное всем романтикам. Оба писателя, находясь перед лицом действительности, хотя и по-разному, но отражали ее в своих произведениях, используя приемы, характерные для творчества романти-

ков. Романический пафос в творчестве обоих художников сочетался с сатирой. Типологически близки оба писателя и в признании бездушия и автоматизма современной жизни. У О. Стороженко оно проявляется в сатирически заостренных повестях «Вуси» и «Голка». Сходство между писателями обусловлено тем, что В. Одоевский называл «духом среды», результатом аналогичных наблюдений, раздумьями над прочитанным. В творчестве В. Одоевского и О. Стороженко отразилась общая атмосфера романтических идей, настроений. Причем это отражение было глубоко своеобразным.

Условно-фантастические картины Одоевского отличаются от фантастики Стороженко. В особенностях сюжета и способах обрисовки характеров у Одоевского и Стороженко существенные различия. Сюжеты повестей Стороженко восходят к народным сказкам и преданиям, сюжеты Одоевского — к символично-образному воспроизведению философски осмысленного мира. Герои Стороженко ярко передают национальный характер. Образы Одоевского — олицетворение идеальных представлений об интуитивно-познаваемой жизни русского общества.

#### *ЛИТЕРАТУРА*

1. Григорьев Ап. А. Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина / Ап.А. Григорьев // Литературная критика. — М., 1967. — С 157–239.
2. Даль В. И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа / В. И. Даль. — М., 1880. — 435 с.
3. Жирмунский В. М. У истоков европейского романтизма / В. М. Жирмунский, Н. А. Сигал // Г. Уолпол, Ж. Казот, У. Бекфорд Фантастические повести. — Л.: Наука, 1967. — С. 249–284.
4. Каменский З. А. Московский кружок Любомудров / З. А. Каменский. — М.: Наука, 1980. — 354 с.
5. Мусий В. Б. Миф в художественном освоении мировосприятия человека литературной эпохи предромантизма и романтизма / В. Б. Мусий. — Одесса: Астропринт, 2006. — 431 с.
6. Наливайко Д. С. Зарубіжна література ХІХ сторіччя. Доба романтизму: [Підручник] / Д. С. Наливайко, К. О. Шахова. — Тернопіль: Навчальна книга — Богдан, 2001. — 416с.
7. Одоевский В. Ф. Косморама / В. Ф. Одоевский // Одоевский В. Ф. Повести и рассказы. — М.: Художественная литература, 1988. — С. 195.
8. Одоевский В. Ф. Пестрые сказки с красным словцом, собранные Иринею Модестовичем Гомозейкою, магистром философии и членом разных

- ученых обществ, изданные В. Безгласным» / В. Ф. Одоевский. — СПб., 1833. — 156 с.
9. Одоевский В. Ф. Психологические заметки / В. Ф. Одоевский // Одоевский В. Ф. Русские ночи. — Л., 1975. — С. 185–235.
  10. Стороженко О. Твори: в 2 т. / О. Стороженко. — К., 1957. — Т.1. — 438 с.
  11. Турьян М. А. «Игоша» В. Ф. Одоевского: К проблеме фольклоризма / М. А. Турьян // Русская литература. — 1977. — № 1. — С. 132–136.
  12. Турьян М. А. Странная моя судьба... / М. А. Турьян. — М.: Книга, 1991. — 340 с.

*Стаття надійшла до редакції 20 лютого 2015 р.*